Михаил Юрьевич

ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

Собрание сочинений

Сказка для детей
Михаил Юрьевич Лермонтов

Михаил Юрьевич Лермонтов. Сказка для детей
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21

22
23
24
25
26
27
Примечания

Михаил Юрьевич Лермонтов
Сказка для детей

1

Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок;
Поэты в том виновны не совсем,
(Хотя у многих стих не вовсе гладок);
И публика не права между тем.
Кто виноват, кто прав – уж я не знаю,
А сам стихов давно я не читаю —
Не потому, чтоб не любил стихов,
А так: смешно ж терять для звучных строф
Златое время… в нашем веке зрелом,
Известно вам, все заняты мы делом.

2

Стихов я не читаю – но люблю
Марать шутя бумаги лист летучий;
Свой стих за хвост отважно я ловлю;
Я без ума от тройственных созвучий
И влажных рифм – как например на ю.
Вот почему пишу я эту сказку.
Ее волшебно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтоб кой-каких допросов избежать;
Зато конец не будет без морали,
Чтобы ее хоть дети прочитали.

3

Герой известен, и не нов предмет;
Тем лучше: устарело всё, что ново!
Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный, детский бред.
Бог знает где заветная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ее листов – и слышно: c'est joli?..[1]
Иль мышь над ней старается в пыли?..
Но этот чорт совсем иного сорта —
Аристократ и не похож на чорта.

---

[1] Сноска: 1
Это мило?.. *(Франц.)*

4

Перенестись теперь прошу сейчас
За мною в спальню: розовые шторы
Опущены, с трудом лишь может глаз
Следить ковра восточные узоры.
Приятный трепет вдруг объемлет вас,
И девственным дыханьем напоенный
Огнем в лицо вам пышет воздух сонный;
Вот ручка, вот плечо, и возле них
На кисее подушек кружевных
Рисуется младой, но строгий профиль…
И на него взирает Мефистофель.

5

То был ли сам великий Сатана
Иль мелкий бес из самых нечиновных,
Которых дружба людям так нужна
Для тайных дел, семейных и любовных?
Не знаю! Если б им была дана
Земная форма, по рогам и платью
Я мог бы сволочь различить со знатью;
Но дух – известно, что такое дух!
Жизнь, сила, чувство, зренье, голос, слух —
И мысль – без тела – часто в видах разных;
(Бесов вообще рисуют безобразных.)

6

Но я не так всегда воображал
Врага святых и чистых побуждений.
Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ; меж иных видений,
Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно… и душа тоскою
Сжималася – и этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет.
Но я, расставшись с прочими мечтами,
И от него отделался – стихами!

7

Оружие отличное: врагам
Кидаете в лицо вы эпиграммой…
Вам насолить захочется ль друзьям?
Пустите в них поэмой или драмой!
Но полно, к делу. Я сказал уж вам,
Что в спальне той таился хитрый демон.
Невинным сном был тронут не совсем он.
Не мудрено: кипела в нем не кровь,
И понимал иначе он любовь;
И речь его коварных искушений
Была полна: ведь он недаром гений!

8

«Не знаешь ты, кто я – но уж давно
Читаю я в душе твоей; незримо,
Неслышно говорю с тобою, – но
Слова мои, как тень, проходят мимо
Ребяческого сердца, – и оно
Дивится им спокойно и в молчанье, —
Пускай! Зачем тебе мое названье?
Ты с ужасом отвергнула б мою
Безумную любовь – но я люблю
По-своему… терпеть и ждать могу я,
Не надо мне ни ласк, ни поцелуя.

9

«Когда ты спишь, о ангел мой земной,
И шибко бьется девственною кровью
Младая грудь под грезою ночной,
Знай, это я, склонившись к изголовью,
Любуюся – и говорю с тобой;
И в тишине, наставник твой случайный,
Чудесные рассказываю тайны…
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связан,
И вечностью и знанием наказан…

10

«Тому назад еще немного лет
Я пролетал над сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвет,
Румяный запад с новою денницей
На севере сливались, как привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные звуки,
Как грешных снов нескромные слова,
Неясно раздавались – и Нева,
Меж кораблей сверкая на просторе,
Журча, с волной их уносила в море.

11

«Задумчиво столбы дворцов немых
По берегам теснилися, как тени,
И в пене вод гранитных крылец их
Купалися широкие ступени;
Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые,
И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот на гордый прах земли,
Как будто мир достоин их любви,
Как будто им земля небес дороже…
И я тогда… я улыбнулся тоже.

12

«И я кругом глубокий кинул взгляд
И увидал с невольною отрадой
Преступный сон под сению палат,
Корыстный труд под тощею лампадой,
И страшных тайн везде печальный ряд;
Я стал ловить блуждающие звуки,
Веселый смех и крик последней муки:
То ликовал иль мучился порок!
В молитвах я подслушивал упрек,
В бреду любви – бесстыдное желанье;
Везде – обман, безумство иль страданье!

13

«Но близ Невы один старинный дом
Казался полн священной тишиною.
Всё важностью наследственною в нем
И роскошью дышало вековою;
Украшен был он княжеским гербом;
Из мрамора волнистого колонны
Кругом теснились чинно, и балконы
Чугунные воздушною семьей
Меж них гордились дивною резьбой;
И окон ряд, всегда прозрачно-темных,
Манил, пугая, взор очей нескромных.

14

«Пора была, боярская пора!
Теснилась знать в роскошные покои —
Былая знать минувшего двора,
Забытых дел померкшие герои!
Музыкой тут гремели вечера,
В Неве дробился блеск высоких окон,
Напудренный мелькал и вился локон;
И часто ножка с красным каблучком
Давала знак условный под столом;
И старики в звездах и бриллиантах
Судили резко о тогдашних франтах.

15

«Тот век прошел, и люди те прошли.
Сменили их другие; род старинный
Перевелся; в готической пыли
Портреты гордых бар, краса гостиной,
Забытые, тускнели; поросли
Дворы травой, и блеск сменив бывалый,
Сырая мгла и сумрак длинной залой
Спокойно завладели… Тихий дом
Казался пуст; но жил хозяин в нем,
Старик худой и с виду величавый,
Озлобленный на новый век и нравы.

16

«Он ростом был двенадцати вершков,
С домашними был строг неумолимо;
Всегда молчал; ходил до двух часов,
Обедал, спал… да иногда, томимый
Бессонницей, собранье острых слов
Перебирал или читал Вольтера.
Как быть? Сильна к преданьям в людях вера!..
Имел он дочь четырнадцати лет;
Но с ней видался редко; за обед
Она являлась в фартучке, с мадамой;
Сидела чинно и держалась прямо.

17

«Всегда одна, запугана отцом
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, как ландыш за стеклом
Или скорей как бледный цвет подснежный.
Она была стройна, но с каждым днем
С ее лица сбегали жизни Краски,
Задумчивей большие стали глазки;
Покинув книжку скучную, она
Охотнее садилась у окна,
И вдалеке мечты ее блуждали,
Пока ее играть не посылали.

18

«Тогда она сходила в длинный зал,
Но бегать в нем ей как-то страшно было;
И как-то странно детский шаг звучал
Между колонн; разрытою могилой
Над юной жизнью воздух там дышал.
И в зеркалах являлися предметы
Длиннее и бесцветнее, одеты
Какой-то мертвой дымкою; и вдруг
Неясный шорох слышался вокруг:
То загремит, то снова тише, тише…
(То были тени предков – или мыши!)

19

«И что ж? – она привыкла толковать
По-сво́ему развалин говор странный,
И стала мысль горячая летать
Над бледною головкой и туманный,
Воздушный рой видений навевать.
Я с ней не разлучался. Детский лепет
Подслушивать, невинной груди трепет
Следить, ее дыханием с немой,
Мучительной и жадною тоской,
Как жизнью, упиваться… это было
Смешно! – но мне так ново и так мило!

20

«Влюбился я. И точно хороша
Была не в шутку маленькая Нина.
Нет, никогда свинец карандаша
Рафáэля, иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенем дыша,
Подобный профиль. Все ее движенья
Особого казались выраженья
Исполнены. Но с самых детских дней
Ее глаза не изменяли ей,
Тая равно надежду, радость, горе;
И было темно в них, как в синем море.

21

«Я понял, что душа ее была
Из тех, которым рано всё понятно.
Для мук и счастья, для добра и зла
В них пищи много; – только невозвратно
Они идут, куда их повела
Случайность, без раскаянья, упреков
И жалобы. Им в жизни нет уроков;
Их чувствам повторяться не дано…
Такие души я любил давно
Отыскивать по свету на свободе:
Я сам ведь был немножко в этом роде!

22

«Ее смущали странные мечты.
Порой она среди пустого зала
Сиянье, роскошь, музыку, цветы,
Толпу гостей и шум воображала;
Кипела кровь от душной тесноты;
На платьице чудесные узоры
Виднелись ей, – и вот гремели шпоры,
К ней кавалер незримый подходил
И в мнимый вальс с собою уносил;
И вот она кружилась в вихре бала
И утомясь на кресло упадала…

23

«И тут она, склонив лукавый взор
И выставив едва приметно ножку,
Двусмысленный и темный разговор
С ним завести старалась понемножку;
Сначала был он весел и остёр,
А иногда и чересчур небрежен;
Но под конец зато как мил и нежен!
Что делать ей? – притворно-строгий взгляд
Его, как гром, отталкивал назад,
А сердце билось в ней так шибко, шибко,
И по устам змеилася улыбка.

24

«Пред зеркалом, бывало, целый час
То волосы пригладит, то красивый
Цветок пришпилит к ним; движенью глаз,
Головке наклоненной вид ленивый
Придав, стоит… и учится; не раз
Хотелось мне совет ей дать лукавый;
Но ум ее и сметливый и здравый
Отгадывал всё мигом сам собой;
Так годы шли безмолвной чередой;
И вот настал тот возраст, о котором
Так полны ваши книги всяким вздором.

25

«То был великий день: семнадцать лет!
Всё, что досель таилось за решеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик-отец послал за старой тет-кой,
И съехались родные на совет.
Их затруднял удачный выбор бала.
Что? будет двор иль нет? – Иных пу-гала
Застенчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замечал другой,
Что это вид ей даст оригинальный;
Потом наряд осматривали бальный.

26

«Но вот настал и вечер роковой.
Она с утра была, как в лихорадке;
Поплакала немножко, золотой
Браслет сломала, в суетах перчатки
Разорвала… со страхом и тоской
Она в карету села и дорогой
Была полна мучительной тревогой;
И выходя споткнулась на крыльце.
И с бледностью печальной на лице
Вступила в залу… Странный шопот встретил
Ее явленье: свет ее заметил.

27

«Кипел, сиял уж в полном блеске бал.
Тут было всё, что называют светом…
Не я ему названье это дал,
Хоть смысл глубокий есть в названьи этом.
Своих друзей я тут бы не узнал;
Улыбки, лица лгали так искусно,
Что даже мне чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотел я – но едва
Ловил мой слух летучие слова,
Отрывки безыменных чувств и мнений —
Эпиграфы неведомых творений!..
. . . . .

Примечания

Печатается по авторизованной копии — ИРЛИ, оп. 1, № 30 (отдельные листы). Существует черновой автограф того же текста без заглавия — ИРЛИ, оп. 1, № 14 (отдельные листы).

Опубликована впервые в «Отеч. записках» (1842, т. 20, отд. I, стр. 116–123).

В тексте первой публикации отсутствуют стихи 33 и 115–116, очевидно исключенные цензурой. Под текстом дата: «1841 год». На этом основании 1841 годом датируют поэму П. А. Ефремов (Соч. под ред. Ефремова, т. I, стр. 148) и Арс. И. Введенский (Соч. под ред. Введенского, т. 2, ч. I, стр. 94). Однако указанную дату нельзя считать достоверной. В Соч. под ред. Висковатова (т. 2, стр. 348) высказывается предположение, что поэма писалась не позже 1840 года, так как, отправляясь в 1840 году в ссылку на Кавказ, Лермонтов передал все свои рукописи А. А. Краевскому. Между ними находилась и «Сказка для детей». В Соч. под ред. Болдакова (т. 2, стр. 430–433) поэма датируется второй половиной 1839 года.

Наиболее существенным основанием для дати-

ровки поэмы по содержанию являются строки в черновом тексте, заключающие отклик на международные события, злободневность которых поэт подчеркивает:

Меж тем о благе мира чуждых стран
Заботимся, хлопочем мы не в меру,
С Египтом новый сладил ли султан?
Что Тьер сказал – и что сказали Тьеру?

Лермонтов имеет здесь в виду турецко-египетский конфликт 1839–1841 годов и особую заинтересованность, которую проявляла Франция по отношению к Турции в это время. В июле 1839 года на турецкий престол вступил новый султан Абдул-Меджид. Отсюда можно заключить, что поэма написана не ранее середины 1839 года (Соч. под ред. Болдакова, т. 2, стр. 432). Высказывалось предположение, что поэма не могла быть написана ранее марта 1840 года, так как министр Адольф Тьер, о котором говорится в приведенном тексте, возглавил новый французский кабинет только первого марта этого года («Ученые записки Лен. Гос. университета», № 87), Серия гуманитарных наук, Саратов, 1943, стр. 169–171; ср. Соч. изд. библиотеки «Огонек», т. 2, стр. 495). Однако уже летом и осенью 1839 года

возникали слухи об образовании нового французского кабинета с Тьером во главе. В это время газеты усиленно писали о том, «что Тьер сказал и что сказали Тьеру» (см.: «Сев. пчела». 1839, 9—11 августа, №№ 177–179, и 18 октября, № 235). Таким образом, стих о Тьере мог быть написан и до того, как Тьер стал главой кабинета. В конце апреля 1840 года Лермонтов был сослан на Кавказ. Трудно допустить, что Лермонтов начал работу над поэмой в ссылке. В 1841 году турецко-египетский конфликт был разрешен, и события, связанные с ним, к этому времени утратили свою злободневность. По совокупности всех данных, поэма могла быть написана не ранее августа 1839 и не позднее весны 1840 года.

«Сказка для детей» — незаконченное произведение. Но и по содержанию, и по совершенству поэтического языка она занимает значительное место в творчестве Лермонтова. Поэма представляет собой определенный этап в работе Лермонтова над темой Демона, низведенного здесь с высот романтической абстракции в реальную общественную среду. «Снижение» образа подчеркивается бытовым колоритом повествования о жизни одного из аристократических домов, ироническими и шутливыми авторски-

ми отступлениями, декларативным отказом от канонов романтической поэтики. Во всем этом проявилось несомненное поэтическое родство поэмы с «Домиком в Коломне» Пушкина. Но в то же время пародийные интонации в «Сказке для детей», оттененные самим заглавием поэмы, сочетаются с глубоко лирическими мотивами. Лиричен прежде всего образ Нины, лиричен пейзаж, лиричны строки, содержащие намек на трагедию 14-го декабря.

В обзоре литературы за 1842 год В. Г. Белинский называет «Сказку для детей» лучшим и самым зрелым из творений поэта (Белинский, т. 8, стр. 20). Это высказывание критика послужило для некоторых исследователей доводом в защиту той точки зрения, что «Сказка для детей» представляет собой произведение законченное, обрывающееся намеренной недоговоренностью (Соч. изд. библиотеки «Огонек», т. 2, стр. 496). Существует и другая гипотеза, по которой сюжет «Сказки для детей» непосредственно связывается с сюжетом «Сашки», а самые поэмы рассматриваются как фрагменты единого, но неосуществленного замысла (Соч. изд. «Academia», т. 3, стр. 619).

Обе эти гипотезы не имеют достаточных фактических подтверждений. О том, что поэт не довел

до конца работу над поэмой, говорит прежде всего сам состав произведения: текст появившихся 27 строф не замыкает ни одной из начатых сюжетных линий. Возможно, что «Сказка для детей» является незавершенной попыткой осуществить возникший у поэта еще в 1831 году замысел «написать длинную сатирическую поэму: Приключения Демона» (См.: «Планы и наброски»).